

Тюркан Рагимли,

Университет Хазар, город Баку, преподаватель
кафедры «Общая психология» Азербайджанского
государственного педагогического университета

СТРАХ ФОРМИРОВАНИЯ БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ЗРЕЛОСТИ У ЛИЦ РАЗВЕДЕННЫХ СЕМЕЙ

УДК 159.9

[HTTPS://DOI.ORG/10.34920/SO/VOL_2026_ISSUE_4_10](https://doi.org/10.34920/so/vol_2026_issue_4_10)

ТЮРКАН РАГИМЛИ. СТРАХ ФОРМИРОВАНИЯ БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ЗРЕЛОСТИ У ЛИЦ РАЗВЕДЕННЫХ СЕМЕЙ

Динамичный рост числа разводов в мировом масштабе за последние годы обусловил необходимость более глубокого изучения данного феномена как в социологическом, так и в психологическом аспектах. Поскольку развод не является исключительно юридическим процессом, исследование его психологического воздействия на партнеров и детей имеет первостепенное значение. С этой точки зрения, в статье через призму подсознательных механизмов развития анализируются психосоциальные трудности, с которыми сталкиваются во взрослой жизни дети, выросшие в условиях распада семьи. В работе перечислены шаги, которые необходимо предпринять индивидам для формирования паттернов надежной привязанности со своими партнерами, а также всесторонне интерпретируются такие патологические проявления и защитные механизмы, укоренившиеся во внутреннем мире взрослых, выросших в атмосфере хаоса, как гипербдительность (hypervigilance), низкая самооценка и эмоциональная диссоциация. Кроме того, подчеркивается, как внутренние эмоциональные страдания, переживаемые данными лицами, открывают путь для межпоколенческой передачи травмы (intergenerational trauma transmission), и предлагаются такие травмофокусированные психотерапевтические методы, как ДПДГ (EMDR) и когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), наряду с практиками эмоциональной регуляции и самосострадания (self-compassion) в качестве научно обоснованных путей решения проблемы.

Ключевые слова и понятия: психология, привязанность, развод, семья, любовь, супруг, здоровье, расторжение, заключение, благосостояние.

TURKAN RAGIMLI. AJRASHGAN OILALARNING VOYAGA YETGAN DAVRIDA YAQIN MUNOSABATLARNI SHAKLLANTIRISHDAN QO'RQISH

So'nggi yillarda jahon miqyosida ajralishlar sonining jadal o'sishi ushbu hodisani ham sotsiologik, ham psixologik jihatdan chuqurroq o'rganish zarurligini taqozo etdi. Ajrashish faqat yuridik jarayon bo'lmaganligi sababli, uning sheriklar va bolalarga psixologik ta'sirini o'rganish birinchi darajali ahamiyatga ega. Shu nuqtai nazardan, maqolada rivojlanishning ongsiz mexanizmlari prizmasi orqali oilaning parchalanishi sharoitida voyaga yetgan bolalarning katta hayotda duch kelayotgan psixosotsial qiyinchiliklari tahlil qilinadi. Ishda o'z sheriklari bilan ishonchli bog'lanish patternlarini shakllantirish uchun individlarga ko'rilishi lozim bo'lgan qadamlar sanab o'tilgan, shuningdek, g'ayritabiiylik (hypervigilance), past o'zini o'zi qadrlash va emotsional dissotsiatsiya.

Bundan tashqari, ushbu shaxslar boshidan kechirayotgan ichki hissiy azob-uqubatlarning nasllararo shikastlanish (intergenerational trauma transmission) uchun qanday yo'l ochishi ta'kidlab o'tildi va BPDG (EMDR) va kognitiv-xulq-atvor terapiyasi (KTT) kabi travmatofokuslangan psixoterapevtik usullar taklif etildi, muammoni hal etishning ilmiy asoslangan yo'llari sifatida hissiy tartibga solish va o'zini o'zi qutqarish (self-compassion) amaliyotlari bilan bir qatorda.

Tayanch so'z va tushunchalar: psixologiya, muhabbat, ajralish, oila, sevgi, turmush o'rtog'i, sog'liq, bekor qilish, qamoqqa olish, farovonlik.

TURKAN RAHIMLI. FEAR OF RELATIONSHIPS IN ADULTHOOD AMONG CHILDREN RAISED IN DIVORCED FAMILIES

The dynamic increase in divorce rates on a global scale in recent years has necessitated a deeper investigation of this phenomenon from both sociological and psychological perspectives. Since divorce is not merely a legal process, exploring its psychological impacts on partners and children is of paramount importance. From this viewpoint, the article analyzes the psychosocial challenges faced in adulthood by children raised in disrupted family environments through the lens of subconscious developmental mechanisms. It outlines the steps individuals must take to establish secure attachment styles with their partners, while comprehensively interpreting pathological manifestations and defense mechanisms rooted in the inner worlds of adults who grew up amidst chaos, such as hypervigilance, low self-esteem, and emotional dissociation. Furthermore, it emphasizes how the internal emotional suffering experienced by these individuals paves the way for intergenerational trauma transmission and proposes trauma-informed psychotherapeutic interventions like EMDR and Cognitive Behavioral Therapy (CBT), along with emotional regulation and self-compassion practices, as viable solutions.

Keywords and concepts: psychology, attachment, divorce, family, love, spouse, health, dissolution, imprisonment, well-being.

Актуальность темы.

Человеческое дитя с биологической и психологической точки зрения является самым уязвимым существом в природе, нуждающимся в наиболее продолжительном уходе. Для ребенка, с момента рождения открытого для угроз внешнего мира, осмысление жизни, адаптация и выживание возможны лишь благодаря наличию определенного убежища. В контексте человеческого бытия таким убежищем выступает семья. Семья не может рассматриваться упрощенно — лишь как социологическая структура, объединяющая индивидов на основе биологических связей. Она представляет собой первичную и наиболее критическую микросистему, в которой формируется личность ребенка, закладываются основы его эмоциональной сферы и обеспечивается интеграция в социум. Именно в семейной среде ребенок познает как самого себя, так и окружающий мир, здесь же берут свое начало истоки его уверенности в себе и базового доверия к окружающим.

Современная психология развития и социология подчёркивают, что опыт, полученный

ребёнком в раннем детстве, детерминирует архитектуру его будущей взрослой жизни. В этот период семья является для ребёнка не только институтом удовлетворения физиологических потребностей (питание, одежда, кров), но и единственным пространством, обеспечивающим реализацию фундаментальной психологической потребности в «безопасной привязанности». Любовь, забота и эмпатия, транслируемые родителями или первичными опекунами, формируют в когнитивной структуре ребёнка убеждение: «Я ценен, а окружающий мир безопасен». Данная установка в дальнейшем напрямую регулирует стрессоустойчивость индивида, его эмоциональный интеллект и способность к интерперсональному взаимодействию. Дети, депривированные в семейной среде от подобной эмоциональной безопасности, в зрелом возрасте могут столкнуться с такими деструктивными проявлениями, как недоверие к себе и окружающим, депрессивные состояния, агрессия, а также различные личностные расстройства.

С другой стороны, семья выступает в качестве первичного института социализации ребёнка. Индивид усваивает общественные нормы, морально-нравственные ценности, культуру, а также представления о правильном и неправильном, впервые наблюдая за ролевыми моделями внутри семьи. Форма коммуникации между родителями, их методы разрешения конфликтов и паттерны реагирования на окружающую среду трансформируются в подсознательную модель поведения ребёнка. Ребёнок развивается как субъект, имитирующий не вербальные установки родителей, а их реальные действия. По этой причине, здоровая, внутренне гармоничная и основанная на взаимном уважении семейная среда способствует формированию у ребёнка навыков эмоциональной саморегуляции и способности к эмпатии.

В заключение следует отметить, что семья играет незаменимую роль в жизни ребёнка. Его социальное, когнитивное и эмоциональное развитие напрямую детерминировано качеством семейной среды, в которую он интегрирован. Чем выше уровень функциональности семьи как первичной ячейки общества, тем выше вероятность успешной реализации индивидом своего личностного потенциала. Именно по этой причине при проведении любых исследований в области детского развития и психологии невозможно сформировать целостную картину без детального анализа семейной динамики и её фундаментального значения для внутреннего мира ребёнка. Принимая во внимание данную основополагающую значимость, представляется необходимым глубокое изучение влияния структурных изменений внутри семьи (например, процесса расторжения брака) на психологическое состояние ребёнка и родителей, а также разработка мер, направленных на минимизацию данных негативных последствий.

Целью исследования является анализ направлений взаимоотношений детей и родителей, анализ эмоциональных связей между ними, а также анализ проблемы привязанности и поведения детей в разведенных семьях.

Предмет исследования. Проблема привязанности и поведения детей в разведенных семьях. Предметом исследования является

выявление психологических особенностей привязанности детей к родителям и поведенческих проблем, а также изучение факторов, влияющих на эти отношения.

Основная часть.

В большинстве случаев расторжение брака представляет собой не просто юридическую процедуру между двумя взрослыми людьми. Данный процесс не ограничивается деструктивным воздействием на жизнедеятельность супругов, но и означает для психики ребёнка разрушение института семьи, выступающего в его представлении в качестве наиболее безопасного пространства. Семейная структура претерпевала постепенную трансформацию на протяжении многих лет. Если в ретроспективе разводы носили единичный характер и интерпретировались исключительно как дезинтеграция семейной структуры, то в последние годы феномен расторжения брака рассматривается не как терминальная стадия, а как этап перехода к новому жизненному циклу.

Исследуя распад семейной структуры, авторы дифференцируют и анализируют развод по различным этапам.

Фитенакис, Низель и Кунце (Fthenakis, Niesel & Kunze) при определении процесса развода супругов выделяют четыре основные стадии: комплексную, социальную, юридическую и психологическую. Каждый этап охватывает определенный статус индивидов и системы в целом. На комплексной (начальной) стадии основное внимание уделяется эмоционально зависимым психологическим состояниям детей. Социальная стадия непосредственно связана с изменением семейного статуса и реструктуризацией внутрисемейных ролей. Юридическая стадия знаменует собой официальную сторону расторжения брака и приводит к трансформации социального статуса индивидов в обществе. Психологическая стадия является заключительным этапом, на котором лица принимают сложившуюся новую реальность и заново определяют свой культурный статус.

На основе 25-летнего лонгитюдного исследования разведенных пар и их детей, Уоллерстайн и Блейкли (Wallerstein & Blakeslee) разделяют данный процесс на три последо-

вательных этапа. На первом этапе, определяемом как кризисный (острый), между партнерами возникают конфликты, ведущие к их взаимному отчуждению. В этот период иногда фиксируются случаи физического насилия, которые, к сожалению, могут происходить в присутствии ребенка. На втором, транзитном (переходном) этапе, происходит перераспределение ролей между членами семьи. Данная стадия предполагает выстраивание новых взаимоотношений и сопряжена с выраженными трудностями как для детей, так и для сепарирующихся супругов, вынужденных адаптироваться к изменяющимся социальным условиям: новому окружению, друзьям, школе и трудовой деятельности. Иными словами, второй этап характеризуется необходимостью мобилизации значительных ресурсов и усилий со стороны как родителей, так и детей. Заключительный этап детерминирован как период стабилизации, поскольку он знаменует собой формирование новой семейной структуры или начало долгосрочного победоносного жизненного цикла [8, стр.2784; 6, стр.170].

Одной из наиболее значимых концепций, глубоко раскрывающих важность роли родителей или заменяющих их первичных опекунов в эмоциональном и психологическом развитии ребенка, является теория привязанности Дж. Боулби (John Bowlby). Описывая функцию семьи, Боулби вводит понятие «надежной базы». Однако данная надежная база не является статичной, в частности, в процессе расторжения брака она может подвергаться серьезной деструкции. Процесс прекращения супружеских отношений не просто влечет за собой структурные изменения в психологическом мире ребенка, но и фундаментально деформирует его базовую систему убеждений. Исходя из подхода Дж. Боулби, мать и отец выступают для ребенка в качестве совместной «надежной базы» (secure base), позволяющей ему безопасно исследовать внешний мир. Деструкция этой базы в процессе расторжения брака в некоторых случаях формирует у ребенка перманентный страх утраты и тревогу отторжения (тревогу покинутости). Лишаясь своего безопасного убежища, ребенок утрачивает способность к эмоциональной саморегуляции и раз-

вивает генерализованное чувство недоверия к окружающим. Развод представляет собой не одномоментное решение, а динамический процесс, подрывающий эмоциональное убежище ребенка. Данный процесс напрямую угрожает связи между родителем и ребенком, а также сформированному у него убеждению в «безопасности окружающего мира». Эта угроза проявляется не только в юридическом факте раздельного проживания, но и манифестирует уже на напряженных начальных этапах самого процесса [7, стр.212; 3; 4].

Развод оказывает деструктивное воздействие на «внутренние рабочие модели» (internal working models) в подсознании ребенка. Атмосфера напряженности и сепарации между родителями негативно трансформирует когнитивные установки ребенка «я ценен» и «люди заслуживают доверия». В результате данного травматического перехода паттерн надежной привязанности у ребенка ослабевает, уступая место тревожно-избегающему (anxious-avoidant) или дезорганизованному (disorganized) типу привязанности. Индивиды, чья внутренняя эмоциональная карта подверглась подобной деформации в раннем возрасте, при переходе во взрослый период сталкиваются с серьезными трудностями в выстраивании здоровых взаимоотношений и формировании доверия к партнеру. Боулби также подчеркивает, что эмоциональная связь, устанавливаемая ребенком с первичным опекуном (как правило, матерью), выступает прототипом его будущих отношений и психического здоровья в целом [1, 2].

В поведении детей, воспитывающихся в подобных неполных семьях, наблюдаются выраженные амбивалентные проявления и дезорганизованные (нерациональные) действия. Для ребенка, подвергшегося агрессии или ставшего свидетелем конфликтов между родителями в предразводный период, родительская фигура одновременно выступает и источником угрозы, и объектом защиты (убежищем). Данный биологический парадокс фактически парализует психику ребенка. Переходя во взрослый период, такие индивиды зачастую проецируют деструктивное напряжение между «любовью и страхом», пережитое в детстве, на свои партнерские отношения. Ключевые поведенческие и

характерологические особенности их взрослой жизни можно классифицировать следующим образом:

1. Парадокс близости. Индивиды данной группы испытывают глубокую латентную потребность в принятии и эмоциональной близости (так называемый «эмоциональный голод»). Однако деструктивная специфика их поведения проявляется при сокращении дистанции: как только взаимоотношения приобретают серьезный характер, активизируются внутренние защитные механизмы. Проецируя когнитивную установку на неизбежное отвержение со стороны партнера, они неосознанно начинают дистанцироваться и отталкивать его. Как только партнер отдаляется, актуализируется страх покинутости, что побуждает их предпринимать хаотичные попытки вернуть его. Данный циклический (хронический) паттерн подрывает фундамент межличностного взаимодействия и приводит к глубокому эмоциональному истощению обоих партнеров.

2. Гиперчувствительность и подозрительность. Любые невербальные проявления (жесты), вербальные высказывания или паузы в коммуникации (молчание) со стороны партнера интерпретируются данными индивидами как потенциальный сигнал отвержения или деструкции отношений (предательства). Даже незначительная задержка ответа на сообщение способна спровоцировать у них запуск катастрофических сценариев и привести к эмоциональному кризису. Нервная система таких лиц функционирует в режиме перманентной гипербдительности (хронической угрозы), из-за чего они постоянно сканируют среду на предмет малейших микроизменений. В межличностном взаимодействии они прибегают к перцептивному тестированию («проверкам») партнера, что неизбежно придает отношениям манипулятивный характер и порождает деструктивную напряженность.

3. Низкая самооценка. В рамках выделенных Дж.Боулби «внутренних рабочих моделей» (internal working models) у данных индивидов фиксируется глубокая деформация механизмов подсознательного самооценивания. Поскольку ребенок подсознательно интернализирует (принимает на себя) вину за распад семьи и эмоциональную отчуж-

денность родителей, во взрослом возрасте он демонстрирует дезадаптивные паттерны поведения. В его когнитивной структуре формируется деструктивная базовая схема: «Я фундаментально дефектен, не заслуживаю принятия, и если кто-то узнает меня ближе, то обязательно отвергнет». Из-за подобной негативной Я-концепции они оказываются неспособны поверить в искренность чувств партнера. Любые проявления одобрения или комплименты воспринимаются ими с недоверием, а во взаимоотношениях они перманентно ощущают себя «аутсайдерами», ожидающими неминуемого изгнания. Данный комплекс неполноценности приводит либо к фиксации в роли жертвы, либо к формированию жесткого гиперконтроля над партнером. Даже при сохранении отношений такие индивиды нуждаются в профессиональной психологической помощи, поскольку данная деструктивная динамика экстраполируется (переносится) не только на романтического партнера, но и на все интерперсональные контакты в целом.

4. Эмоциональная диссоциация. Диссоциация (психологическое отчуждение от реальности и соматического опыта) представляет собой наиболее тяжелый защитный механизм, интернализируемый детьми, ставшими свидетелями интерперсонального насилия между родителями в предразводный период. Испытывая фрустрацию и беспомощность, ребенок в целях когнитивной инкапсуляции и защиты от непереносимой эмоциональной боли обучается деактивации («выключению») своих аффективных реакций. Анализ деструктивных проявлений данного феномена во взрослом возрасте показывает, что при возникновении любого межличностного кризиса или деструктивного конфликта в отношениях данные индивиды полностью блокируют эмоциональную связь с партнером. В момент острого конфликта они демонстрируют крайнюю степень эмоциональной депривации (индифферентность) и прибегают к тактике «каменной стены» (stonewalling). В то время как партнер переживает выраженный аффективный катарсис (эмоциональный взрыв), диссоциирующий индивид сохраняет полную гипореактивность, функционируя так, словно происходящие события не имеют

к нему прямого отношения. Подобное поведение, ошибочно интерпретируемое извне как хладнокровие, в действительности является состоянием индуцированного «психического паралича», активируемого психикой для самосохранения в условиях экстремального стресса. При возникновении конфликтной триггерной ситуации их когнитивно-эмоциональная сфера переходит в защитный режим соматического и психического «замораживания» (freezing) [9, стр. 298-299].

Таким образом, деструктивные проявления в виде гиперчувствительности, заниженной самооценки и диссоциативных защитных механизмов, демонстрируемые индивидами, которые в детском возрасте были лишены функции «надежной базы», фактически дестабилизируют их взрослую жизнь, трансформируя её в состояние глубокого внутриличностного кризиса. За внешними паттернами агрессивного, избегающего или эмоционально отчужденного поведения, транслируемого данными лицами в социум, в действительности скрываются выраженный экзистенциальный дистресс и глубокая психическая травматизация. Вследствие этого травмы раннего детского возраста выступают наиболее критическим детерминирующим фактором, фундаментально угрожающим психологическому благополучию и ментальному здоровью будущих поколений.

Интерперсональные проявления данных индивидов, которые извне могут интерпретироваться как манипулятивные, лабильные (нестабильные) или эмоционально отчужденные, в действительности маскируют состояние перманентного внутриличностного конфликта. Специфику их латентного деструктивного переживания можно классифицировать следующим образом:

1) Хроническое чувство депривации и экзистенциального одиночества. Данная категория индивидов перманентно переживает глубокое отчуждение от социума и деструктивное ощущение «утраты дома» (отсутствия базовой безопасности). Этот феномен обусловлен тем, что деструктивный опыт наблюдения за бракоразводным процессом родителей в детском возрасте нивелировал их фундаментальную потребность в психологическом убежище и защищенности. Вслед-

ствие тотального недоверия и персекуторной настороженности (подозрительности) по отношению к окружающим, они пребывают в состоянии выраженной эмоциональной изоляции. Каузальный парадокс данного состояния заключается в том, что при гипертрофированной потребности в аффилиации (любви и близости), индивиды становятся жертвами собственных фобий, что влечет за собой паттерны самодеструктивного избегания этих отношений. Подобная динамика детерминирует развитие у субъекта хронического ощущения бессилия и глубокого внутриличностного вакуума (чувства внутренней пустоты).

2) Хроническое психоэмоциональное истощение и интернализированная аутоагрессия. Перманентное функционирование вегетативной нервной системы в режиме симпатикотонии и гипербдительности (сверхчувствительности к триггерам угрозы) приводит к соматическому и когнитивному истощению индивида. Состояние эмоционального паралича детерминировано непрерывной обсессивной идеацией (навязчивым моделированием сценариев) возможного разрыва отношений со стороны партнера. Более того, каждый цикл реализации компульсивных паттернов отторжения партнера, продиктованных страхом депривации, сменяется фазой выраженной дисфории, аутоагрессии и чувства вины. Интрапсихические вопросы субъекта, такие как: «Почему я деструктурирую любые интерперсональные связи?» или «По какой причине я неспособен к нормативному принятию привязанности?», пролонгируют во взрослый онтогенез чувство вины, интроецированное еще в детстве вследствие травмы родительского развода. Несмотря на то, что при внешнем наблюдении данные лица демонстрируют деструктивные и дезадаптивные формы поведения, их глубинный психологический анализ верифицирует компульсивный и неосознанный (непроизвольный) характер указанных проявлений.

Глубокая травма привязанности, формирующаяся у ребенка в деструктивной семейной системе (в ситуации родительского развода), не должна рассматриваться как необратимый (нерезистентный) психический паттерн. Исходя из фундаментальных положений современной теории привязанности, данный

феномен обладает пластичностью и способен к трансформации и реконструированию на протяжении всего онтогенеза субъекта. Базовые терапевтические и интервенционные шаги, необходимые для инициации процесса реабилитации (исцеления) данных индивидов, можно классифицировать следующим образом:

- Травма-фокусированная (травма-ориентированная) психотерапевтическая интервенция. Маловероятно, что деструктивные психические импринты подобной глубины могут быть успешно нивелированы исключительно за счет механизмов индивидуальной саморегуляции и волевых усилий субъекта. Данный феномен обусловлен тем, что в основе рассматриваемой патологии лежат ригидные дезадаптивные глубинные убеждения и иррациональные когнитивные схемы, укорененные в структуре личности. В связи с этим репрезентативным является получение квалифицированной психотерапевтической помощи. В частности, метод десенсибилизации и переработки движением глаз (ДПДГ / EMDR), интегрирующий переработку ретроспективного травматического опыта на соматическом и эмоциональном уровнях, а также когнитивно-поведенческая психотерапия (КПТ) детерминируют наиболее эффективную нейтрализацию иррациональных когниций, сформированных в церебральных структурах под воздействием инфантильного опыта наблюдения за сценами родительского развода и интересемейной агрессии. В рамках данного терапевтического альянса специалист выполняет для пациента экзистенциальную функцию первичного стабильного объекта и «безопасной базы».

- Развитие навыков эмоциональной регуляции. Для эффективного управления такими паттернами, как деструктивная диссоциация (отчуждение от реальности) или копинг-стратегия избегания («бегство от угрозы»), активирующимися в моменты межличностных конфликтов или фрустрации, индивиду необходимо освоить интерцептивную осознанность (декодирование соматических сигналов собственного организма). Вместо дезадаптивного бегства или применения защитного механизма «каменной стены» (эмоционального блокирования) в моменты высокого уровня тревожности, способность вербализовать свое

состояние партнеру в форме дескриптивного сообщения — например: «*В данный момент я переживаю интенсивный интрапсихический страх, мне необходим десятиминутный интервал для стабилизации эмоционального фона*» — представляет собой ключевой этап реабилитации, основанный на рефлексии и экспрессии чувств. Закрепление данной компетенции требует от субъекта непрерывной самостоятельной интернализации навыков, полученных в ходе квалифицированной психотерапии.

- Практика самосострадания (Self-Compassion). Индивиду необходимо осуществить интеграцию и терапевтическое принятие собственного инфантильного эго-состояния («внутреннего ребенка»), пребывающего в состоянии фрустрации и эгоцентрического чувства вины за деструктуризацию родительской семьи. Вместо интернализации карающей супер-эго позиции (жесткой самокритики за дезадаптивные поведенческие проявления), субъекту следует верифицировать данные реакции как архаичные защитные механизмы, сформированные в онтогенезе для обеспечения психической выживаемости, и проявить по отношению к собственной личности безусловное принятие и эмпатию.

Выводы:

1. Деструктивные паттерны привязанности и глубокие психические импринты, формирующиеся у детей в процессе родительского развода, при отсутствии своевременной терапевтической интервенции не только дезадаптируют жизнедеятельность конкретного индивида, но и детерминируют интергенерационную (межпоколенческую) передачу травмы.

2. Субъекты, переживающие подобный интрапсихический дистресс, в зрелом возрасте бессознательно саботируют собственные брачные союзы, тем самым транслируя аналогичный травматический опыт развода последующим поколениям. Разрыв данного порочного круга (психопатологического паттерна) возможен исключительно посредством раннего психологического вмешательства, системной семейной психотерапии и реконструирования у индивидов модели надежной (безопасной) привязанности.

Литература:

1. Bowlby J. (1982). Attachment and loss: Vol. 1. Attachment (2nd ed.). Basic Books. (Original work published 1969)
2. Bowlby J. (1988). A secure base: Parent-child attachment and healthy human development. Basic Books.
3. Bronfenbrenner U. (1979). The ecology of human development: Experiments by nature and design. Harvard University Press.
4. Bronfenbrenner U., & Morris P.A. (2006). The bioecological model of human development. In W. Damon & R. M. Lerner (Eds.), Handbook of child psychology: Vol. 1. Theoretical models of human development (6th ed., pp. 793–828). John Wiley & Sons.
5. Feeney J.A., & Monin J.K. (2016). Divorce through the lens of attachment theory. In J. Cassidy & P. R. Shaver (eds.), handbook of attachment: theory, research, and clinical applications (3rd ed., pp. 819–834). The Guilford Press.
6. Karairmak Ö., & Erkan Z. (2011). Boşanma süreci: risk faktörleri, koruyucu faktörler ve boşanma sonrası uyum. // Türk psikolojik danışma ve rehberlik dergisi, 4(36), 164–178.
7. Öngider N. (2013). Boşanmanın çocuklar üzerindeki psikososial etkileri ve bağlanma süreçleri. // Psikiyatride güncel yaklaşımlar, 5(2), 210–226.
8. Taş B. (2017). Short and long-term negative effects of parental divorce on children. // Researches on Science and Art in 21 st Century Turkey, 2784-2790.
9. Филоненко А.Л. (2018). Влияние развода родителей на трансформацию типов привязанности у детей во взрослом возрасте. // Вестник клинической психологии, 16(3), 295–307.